

Общество как реальность, данная в ощущениях

ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО К ПУБЛИЧНОМУ / ПОД РЕД. О.В. ХАРХОРДИНА. СПБ.: ИЗД-ВО ЕУСПБ, 2011. 530 С. (СЕРИЯ «RES PUBLICA», ВЫП. 5.) ISBN 9785943801150

Александр Марей*

Аннотация. Рецензия посвящена анализу коллективной монографии «От общественного к публичному», вышедшей под редакцией О.В. Хархордина. Большое внимание уделяется проблеме языка социологической науки, с привлечением методологического инструментария прагматической социологии рассматриваются различные казусы общественной организации, как описанные в книге, так и имевшие место после ее выхода, затрагиваются проблемы исторического генезиса отечественного общества.

Ключевые слова. Прагматическая социология, Хархордин, Гладарев, общество, общественное, публика, способы организации общества, сообщества, митинги в Москве.

Изучению социальной реальности нередко предшествует анализ понятий, в которых она может быть описана. Наивное использование устоявшихся терминов в условиях постоянно меняющейся конвенции, к чему склоняются многие ученые, недопустимо. Необходимость историко-аналитической работы с понятиями обуславливает актуальность изучения и переосмысления основных категорий отечественного социологического и политологического лексикона, ведущихся в рамках исследовательского центра «Res publica» (ЕУСПб)¹. В качестве предмета для данного обзора была выбрана коллективная монография, изданная центром в 2011 году и посвященная изучению понятий «общество», «общественность», «общий» и т. д. в языковых и социальных реалиях России XVIII–XXI вв. Это уже не первая подобная работа: в 2009 году усилиями членов центра «Res publica» в свет вышли сборник переводов «Res publica: история понятия» (*Res publica*, 2009) и коллективная монография «Что такое республиканская традиция» (Что такое республиканская традиция, 2009), ранее в этой же серии выходили переводы работ Б. Манена (Манен, 2008) и Кв. Скиннера (Скиннер, 2006). Нельзя обойти вниманием и созданную этим же исследовательским коллективом книгу, посвященную понятию, истории и теории дружбы (Дружба, 2009), и прекрасную коллективную монографию, посвященную исследованию понятия «госу-

---

* **Марей Александр Владимирович** — кандидат юридических наук, доцент кафедры практической философии, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ. Email: amarey@hse.ru

© Марей А.В., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

1. Разумеется, названный центр не уникален и не единственен в своем роде. Можно упомянуть, например, международную исследовательскую группу истории политических и социальных понятий (History of Political and Social Concepts Group, www.jyu.fi/yhtfil/hpscgl/) и т. д. Однако в отечественной исследовательской среде значение исследовательского центра, руководимого О.В. Хархординым, невозможно переоценить.

дарство» в различных языках (Понятие государства, 2002)². Таким образом, оценивая выбранную для анализа книгу, необходимо рассматривать ее не как отдельную публикацию, но как часть большого и сложного проекта.

Структурно монография делится на 4 главы, написанные К.С. Федоровой, Б.С. Гладаревым, Д.Я. Калугиным и В.Л. Каплуном соответственно, и введение с заключением, созданные руководителем проекта О.В. Хархординым. Главы получились неравномерными по своему объему и охвату материала — относительно небольшая, на неполных 60 страниц глава К.С. Федоровой, посвященная разбору традиции контекстного словоупотребления понятия «общество» в русскоязычных текстах конца XIX — начала XXI века, соседствует с 90-страничными очерками Д.Я. Калугина и В.Л. Каплуна, в которых рассматриваются эволюция этого понятия со Средних веков до XIX века и особенности словоупотребления понятий «общество» и «гражданское общество» в работах А.Н. Радищева, М.Н. Муравьева и Н.М. Карамзина. Гармонично сочетается с этими разделами и элегантно, 43-страничное заключение О.В. Хархордина, в котором формулируются общие выводы, подводятся итоги проведенной работы и — забегая вперед, отмечу — серьезнейшим образом дополняется и исправляется раздел Д.Я. Калугина.

Над всеми названными разделами безоговорочно доминирует исследование Б.С. Гладарева, занимающее почти 250 страниц, т.е. чуть меньше половины от общего объема книги. Количественный дисбаланс еще больше подчеркивается различием в содержании. В противовес всем остальным исследователям, посвятившим свои тексты пониманию и использованию понятий «общество», «общественный» и т.д. на протяжении весьма широких отрезков времени и не ставившим узких пространственных ограничений, Гладарев рассматривает деятельность двух градозащитных организаций Санкт-Петербурга («Группа спасения» и «Живой город») в весьма ограниченный хронологический период (1989–2009). Столь жесткая конкретизация объекта исследования и его хронологических рамок вкупе с размером исследования создают впечатление, что вся остальная книга была написана в качестве обрамления и сопровождения к тексту Гладарева и что, таким образом, основным предметом рассмотрения в ней являются именно петербургские градозащитные объединения конца XX — начала XXI века. Впечатление, заметим, обманчивое, ибо текст, созданный коллективом под руководством О.В. Хархордина, по своему значению выходит далеко за пределы исследования деятельности защитников Санкт-Петербурга.

Первые серьезные выводы, имеющие, без преувеличения, фундаментальный характер, звучат уже в первой главе, написанной Капитолиной Федоровой. Согласно мнению автора, в современном русском языке понятие «общество» предельно десемантизировалось, потеряв значительную долю своих смыслов: «...В современном русском языковом пространстве люди больше не объединяются в общества, они все объединены единым обществом, на которое можно возлагать ответственность за существующий порядок вещей, но посредством которого (вместе с которым, в составе

---

2. В данном перечислении из соображений краткости приведены только коллективные исследования центра «Res publica». В то же время очевидно, что сегодня ни один серьезный разговор о природе государства и общества невозможен без учета индивидуальных публикаций участников «Res publica», прежде всего О.В. Хархордина, Б.С. Гладарева, В.Л. Каплуна.

которого) нельзя совершать какие-то действия или просто проводить время. Современные носители русского языка ничего не делают „обществом“» (с. 63). Утверждение, что в общество более не объединяются, но само общество, как некий неопределенный актер, объединяет в себе людей, подкрепляется, в частности, анализом изменений в структуре словоупотребления: автор замечает, что доминирующим вопросом становится «общество какое?», а не «общество кого?». На этом основании делается серьезное и в меру провокационное заявление о том, что «современное „гражданское общество“ не состоит из граждан, „российское“ — из россиян, и в конечном счете „наше общество“ не состоит из нас. Оно просто дано нам, как говорится, в ощущениях» (с. 37).

Представляется, однако, что К.С. Федорова не совсем права в своем пессимизме относительно современного российского общества. Ведь, собственно говоря, общество и возникает как раз тогда, когда «общее» начинает превалировать над «частным», и даже более того — когда «частное» практически уходит, уступая место «общему». Нечто похожее описывал Ж.-Ж. Руссо, объясняя механизм действия общественного договора: «Если мы устраним из общественного соглашения то, что не составляет его сущности, то мы найдем, что оно сводится к следующим положениям: „каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого“. Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое, состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю» (Руссо, 1998: 40–41).

На это можно возразить, что в современном русском языке и само слово «общее» практически стерлось, потеряло свое значение, превратившись в «семантически опустошенный элемент, функционирующий в дискурсе в качестве неинформативного заполнителя хезитационных пауз» (с. 46). Но это возражение все же кажется неубедительным, поскольку в русском языке это слово объединяет в себе оба смысла: «общее как совместное» и «общее как родовое, в противовес видовому» (передаваемые в европейских языках дихотомией, восходящей к латинским словам *communis* и *generalis* и производным от них терминам), что неминуемо влечет за собой семантическую размытость. Разрастание общества и превращение его из непосредственно действующего субъекта (агенса, в терминологии К.С. Федоровой) в объект, претерпевающий (пациенс) различные воздействия, повлекло за собой и десемантизацию лексем «общественный» и «общественность» (с. 56–59), которые, с одной стороны, означают нечто, принадлежащее обществу и/или выражающее его интересы, с другой же стороны — обладают очень слабой семантической и стилистической нагрузкой.

В этой ситуации, отмечает Федорова, функции общества берет на себя «сообщество», обозначающее «любое соединение людей, меньшее, чем общество» (с. 61). Именно на эту форму социальной самоорганизации людей автор и возлагает наибольшие надежды, полагая, что «новый игрок на лексическом поле» сможет расположиться в том «опустошенном языковом пространстве, которое разделяет... „слова для кухонь“ и „слова для улиц“» (с. 67). Федорова написала это в 2009 году, и ее вы-

сказывания в известной степени оказались пророческими: роль сетевых сообществ, *communities*, формировавшихся в социальных сетях (ВКонтакте, Facebook и т. д.), уже тогда была весьма заметной, но до событий ноября 2011 — мая 2012 года было еще далеко. В декабре же прошлого года, как известно, произошло нечто, казалось, непредставимое ранее, — на улицы вышли десятки тысяч людей, объединившихся посредством Интернета, нашедших друг друга через названные выше социальные сети и образовавших сетевые сообщества. Что объединяло этих людей и что заставило их выйти вместе, под одними и теми же лозунгами?

Ответ на этот вопрос можно дать, опираясь на исследование, проведенное Борисом Гладаревым и помещенное в рецензируемой работе сразу же за главой, написанной Федоровой. Хотя исследование Гладарева, как уже говорилось, посвящено деятельности двух общественных градозащитных объединений Санкт-Петербурга, в центре внимания автора оказывается «практика создания общества, взгляд с процессуальной стороны» (с. 70). Воспринимать работу Гладарева в подобном, более широком ключе помогает и то, с каким вниманием он относится к методологии исследования. Практически вся первая часть его текста посвящена подробному изложению автором особенностей своего подхода. Исследование выполнено в рамках направления прагматической социологии, что объясняет активное использование в нем методологического инструментария, разработанного Лораном Тевено, Люком Болтански и др.

Следуя в методологическом плане за Л. Тевено, Гладарев выделяет три основных «режима вовлеченности», через которые можно показать, «каким образом происходит переход от индивидуального действия и личных компетенций каждого актора к коллективным конвенциям и действиям... режим близости, режим планового действия и режим публичного оправдания» (с. 76). В режиме близости человек плотно инкорпорирован в свое окружение, а все окружающие его вещи и явления он воспринимает как своеобразное продолжение себя. Потому и любое несанкционированное им самим вторжение в его личное пространство вызывает у человека чувство почти физического дискомфорта, приводящее к его переключению в режим планового действия или — сразу — в режим публичного оправдания. Режим планового действия связан с «функциональным восприятием мира» (с. 77), он подразумевает следование общим правилам и инструкциям. Человек, переключившийся в этот режим, начинает изучать законы и подзаконные акты, своды разнообразных правил и инструкций, писать письма представителям властей, пытается воздействовать на ситуацию с помощью нормативной организации окружающего его пространства. Соответственно, в режиме планового действия для человека характерны попытки решить свои проблемы напрямую, с помощью органов государственной власти, без обращения к обществу и его потенциалу публичного действия. Иное — режим публичного оправдания. Он связан с «высшими принципами, с конвенционально разделяемыми формами общего блага и предполагает публичное действие. Его отличает специфический язык, наполненный отвлеченными, абстрактными категориями, отсылающий к дискуссиям об „общественном благе“, справедливости, уводящий от частного случая к абстрактным категориям» (с. 78).

Помимо режимов вовлеченности Гладарев, вслед за Тевено, вводит понятие «композиций общности», т. е. некоего приоритетного для исследуемого общества типа установления и построения коллективного «мы». Французский социолог выделяет три подобных «композиции»: через «величие общего блага», через действия индивида в публичной сфере либерального общества и «общее через близкое», т. е. «когда мы — это те, кто регулярно встречается в повседневной интеракции, например, в конкретном месте или в кругу близких людей» (с. 81). Гладарев, в свою очередь, отмечает, что, по его мнению, для отечественного общества вообще и для петербургских градозащитных общественных организаций в частности базовой грамматикой общности выступает «близкое через общие места», т. е. через привязку и привязанность к общим местам (с. 279). Объясняет он это весьма ограниченной популярностью в нашем обществе композиции «общего блага», дискредитированной советской властью, а также отсутствием институциональных условий для развития либеральной композиции общности. В этих условиях нашим активистам только и остается, что собираться через привязку к какому-либо месту, традиции, авторитету и т. д. (с. 281). Сочетается все это с нарастающим в российском обществе дефицитом доверия, начало которому было положено в первые годы правления Б.Н. Ельцина, и девальвацией основных этико-социальных понятий, таких как право, справедливость, правда и т. д.

Подтверждение гипотезы Гладарева можно увидеть и обратившись к материалу декабрьско-мартовских митингов. Сейчас с уверенностью можно утверждать, что движение протеста, начавшееся после известного заявления о «рокировке» в рядах высшей государственной власти (24 сентября 2011 года), претерпело ряд показательных изменений. Первая его стадия характеризовалась стихийным неструктурированным возмущением среди людей, следящих за новостями, — обращаясь к категориальному аппарату теории Л. Тевено, можно сказать, что был нарушен их «режим близости», в привычном для них политическом поле произошло резкое, несанкционированное нарушение. Потребовалось несколько недель и даже месяцев, чтобы осознать происходящее и решить, как на это реагировать (в странах с развитой гражданской традицией и с твердым кредитом общественного доверия это заняло бы куда меньше времени — можно вспомнить Испанию в марте 2004 года или Великобританию в мае 2007-го). За это время в Интернете деятелями внепарламентской оппозиции были подготовлены площадки для дискуссий — например, уже 7 октября был открыт сайт движения «Белая лента» (www.belayalenta.com) и т. д. После парламентских выборов 4 декабря 2011 года движение протеста приобрело массовый характер — люди вышли на улицы 05.12 (Чистые пруды) и 10.12 (Болотная площадь). Но если в начале уличных протестов можно было говорить о переходе протестующих из «режима близости» в режим «публичной критики и оправдания» и о создании общности на основе «композиции общего блага», то уже к третьему митингу, состоявшемуся 24 декабря на проспекте А.Н. Сахарова, ситуация изменилась.

Суть основных изменений, как представляется, была в том, что произошел раскол между «людьми трибуны» и «людьми площади». Лозунги ораторов первоначально были выстроены в соответствии с политической грамматикой «общего блага», они звали людей строить правовое государство, гражданское общество, требовали пересмотра итогов выборов и освобождения политических заключенных. Люди же,

пришедшие на митинг, действовали в рамках грамматики «общее через близкое» — их радовали лица «других москвичей», им было приятно выходить на улицы «своего города», они «выходили, чтобы улыбаться друг другу» (можно вспомнить многочисленные статьи и записи в блогах, публиковавшиеся по итогам первых митингов). Дискуссии между ораторами и публикой явно не получалось. Напротив — в среде митингующих зрело недовольство фигурами выступавших, поскольку те своими призывами нарушали сложившийся было снова «режим близости».

Желая сохранить расположение публики, ораторы переменили лозунги — если проанализировать призывы, звучавшие, начиная с проспекта Сахарова и далее, вплоть до марта, можно отметить, что на первый план вышли требования отставки первых лиц, роспуска «партии жуликов и воров» и даже права свободно собираться «в своем городе» (акции «Белое кольцо»), — т. е. из плоскости «композиции общего блага» ораторы перешли в плоскость «общего через близкое», взывая к «общим местам» собравшихся на митинг людей. Сыграла свою роль и выбранная митингующими символика — белая ленточка на одежде или автомобиле стала играть роль еще одного «общего места». Начавшее возникать единство было в известной степени разрушено — из складывающейся общности вышли те, кто претендовал на объединение в рамках «общего блага», и те, кто хотел стать участником «либеральной композиции общности». Оставшееся ядро протестующих успешно объединилось вокруг нескольких «общих мест», основным из которых на сегодняшний день, как это ни странно, осталась белая ленточка.

Таким образом, на мой взгляд, события зимы 2011 — весны 2012 года подтверждают вывод, полученный Б.С. Гладаревым, согласно которому «*общее* в России не перерастает в *общественное*... из-за массовой склонности создавать общность на основе привязанностей, возникающих в общих пространствах повседневного общения, и из-за неразвитости тех типов общности, которые бы предполагали процедурную речь, формальную координацию и „общие правила игры“» (с. 291).

Главу, посвященную истории понятия «общество» в период от Средневековья к Новому времени, ее автор — Дмитрий Калугин — открывает почему-то цитатой из маркиза де Кюстина, а продолжает выдержкой из П.А. Вяземского. Этими двумя цитатами Д.Я. Калугин пытается обосновать совершенно неочевидную мысль о том, что понятие «общество» было введено в русский язык искусственно, по воле государства: «Насильственное введение новых слов приводит к возникновению фикций, и если говорить о социальных понятиях, языковая практика здесь радикальным образом опережает социальную... Государственная политика в плане языковых заимствований понятна: необходимо предложить набор слов, при помощи которых человек смог бы ориентироваться в изменившихся социальных условиях. Все это в полной мере относится к понятию, которому посвящена эта работа, — понятию „общество“» (с. 306).

Сделав это, как представляется, ко многому обязывающее заявление, автор ни разу больше не возвращается к нему. Ни в ходе исследования, ни в его выводах не повторяется ни идея о государственном вмешательстве в дело формирования социального лексикона русского языка в общем, ни — более конкретно — тезис об искусственном введении понятия «общество». Напротив, Д.Я. Калугин уходит от XIX века назад к русскому Средневековью и продолжает выстраивать свои теории уже

на древнерусском материале. Он начинает с утверждения, что все понятия с корнем «общ» появляются в русском языке в контекстах, связанных с греческим новозаветным понятием *koinonia*, и что семантическое поле этих понятий «позволяет сделать вывод о многообразии форм общности, существующей в пределах группы» (с. 308). В качестве двух основных сфер, включающих в себя подавляющую часть значений слов с корнем «общ», Калугин выделяет юридическую и религиозную.

Именно религиозная сфера и становится для Калугина основным объектом исследования в первой части его текста. Начиная с разбора новозаветных текстов (прежде всего имеются в виду послания Павла), автор делает ряд заявлений следующего характера: по его мнению, «все, исповедующие христианскую веру, составляют „общность католической церкви“», преобладающими качествами христианина следует признать покорность, смирение, благожелательность и сострадание, а основной целью человека, исповедующего веру в Христа, — общность (с. 308–309). Опираясь на эти постулаты, Калугин делает вывод о том, что русское слово «община» обозначает не только определенный социальный феномен, но и те принципы, которые лежат в его основании, то есть «специфическое „общение“ (понимаемое в христианском ключе), за счет которого создается и поддерживается общество» (с. 312). Зачем автору нужно это «специфическое общение», становится понятно сначала в конце раздела, когда он высказывает убеждение в том, что «именно общая вера задает ту фундаментальную общность, которая позволяет рассматривать все происходящее на русской земле в провиденциальном аспекте — как общую судьбу и общее предназначение» (с. 315), а затем в заключении ко всему его исследованию. Там, обращаясь к концепции «общей жизни», разработанной в отечественных интеллектуальных кружках первой половины XIX века, Калугин пишет, что в ней «слышатся отзвуки того христианского единства, койнонии, которое отложилось в древнерусском понимании „общего“ и „общества“» (с. 385). Именно этот симбиоз религии и философии, по мнению Калугина, и дал силы отечественным интеллектуалам отвечать на вызовы власти, противостоять социальным и политическим невзгодам.

Помимо акцентирования внимания на сильнейшей роли христианской традиции в формировании отечественного общества и его понимания Д.Я. Калугин пишет и о влиянии естественно-правовых концепций европейского (прежде всего — немецкого) Просвещения на формирование в русской культуре категории «публика» (с. 334), обращает внимание на их развитие в эпоху Екатерины II, прежде всего — в тексте ее «Наказа...». Однако гораздо подробнее и основательнее эту тему рассматривает в своем разделе В.Л. Каплун.

Уже в самом названии главы, написанной Виктором Каплуном — «Общество до общности: „общество“ и „гражданское общество“ в культуре российского Просвещения», — отражается основная проблема этого раздела. Начиная свой текст с заявления о том, что «истоки чувства гражданской солидарности и ценности прав личности в той мере, в какой они присущи современному западному человеку, — в философской, общественно-политической и моральной мысли европейского Просвещения» (с. 397), автор продолжает его утверждением, что у российской культуры тоже была своя эпоха Просвещения, начало которой пришлось на правление Екатерины II, а конец — на правление Николая I (с. 411). Это, в свою очередь, подводит

Каплуна к проблематизации общественно- и естественно-правовой тематики в отечественной культуре и к убеждению, что в российской культуре были и есть возможности для формирования иного общественного выбора, нежели выбор в пользу «права сильного», сделанный сейчас (с. 398). Конкретной же задачей данного текста В. Каплун видит анализ категорий «общество» и «гражданское общество» в языке и культуре российского Просвещения (с. 399), а точнее, в текстах трех наиболее ярких его представителей — А.Н. Радищева, воспринимаемого как носитель условно «радикальных» воззрений, М.Н. Муравьева как представителя «либерального республиканизма» и Н.М. Карамзина как монархического консерватора (с. 412–413).

Отталкиваясь от первого определения общества, приведенного в Словаре Академии Российской (1789–1793): «Общество — народ под одними законами, под известными уставами, правилами купно живущий», Виктор Каплун замечает, что этот спектр значений слова «общество» неразрывно связан с классической концепцией общественного договора в его республиканской, или, используя термин Квентина Скиннера, в «неоримской» трактовке (с. 403; Скиннер, 2006: 43–85). Эта отсылка к идеям общественного договора весьма интересно сочетается с тем, что в текстах рассматриваемого периода понятия «общество» и «гражданское общество» являются взаимозаменяемыми и синонимичными (с. 404, 424, 440, 452, 471). Наконец, в качестве третьей особенности интеллектуальной культуры отечественного Просвещения автор указывает на то, что в ней понятия «общество» и «государство» не противопоставляются друг другу, поскольку государство мыслится не как самостоятельная сущность, но как — забегая вперед — «способ или механизм (само)управления обществом(а)» и целью его полагается общее благо (с. 429, 481).

Несколько уходя в сторону, можно отметить коренное отличие приведенного понимания общества и государства от того, которое доминирует в нашей современной интеллектуальной и обыденной культуре. Вполне возможно, что именно в этом различии и стоит искать причину (по меньшей мере одну из причин) неудач нынешних «гражданских движений» — потеря грамматики «общего блага» и замена ее грамматикой «общее через близкое» в известной степени перекрывают нам путь к построению гражданского общества классического образца. В этом плане я позволю себе не согласиться с Борисом Гладаревым и — через него — с Лораном Тевено, утверждающими, что композиция общности «общее через близкое» также может стать основой для гражданского общества. Она, безусловно, может и даже должна там присутствовать, но лишь на второстепенных, вспомогательных ролях, уступая либо грамматике «общего блага», либо «либеральной грамматике».

Возвращаясь к разбору текста Виктора Каплуна, можно обратить внимание еще на несколько интересных аспектов (замечу попутно, что данная глава настолько интересна и глубока, что ее необычайно трудно рецензировать, поскольку хочется просто переписывать дословно), касающихся особенностей словоупотребления в культуре российского Просвещения.

Один из важнейших тезисов, доказываемых В. Каплуном, относится к соотношению понятий «общество» и «общественность». В современной отечественной литературе, и тем более в историографии советского периода можно встретить отождествление этих понятий применительно к обществу второй половины XVIII —

первой половины XIX века. Виктор Каплун категорично утверждает, что «понимание „общества“ как „общественности“ — как и возникновение самой „общественности“ — становится возможным только примерно с 1840-х годов, после радикального культурного разрыва, связанного, среди прочего, с подавлением в годы николаевской реакции форм публичной сферы и общественно-политического дебата, существовавших ранее, и частично с восхождением в культурной жизни страны нового слоя — разночинной интеллигенции и выходцев из духовного сословия... „Общественность“ — радикально иная культурная фигура, отличающаяся и от „общества“, и от „публики“ последней трети XVIII — первой трети XIX века...» (с. 417). Принимая этот тезис за основу, легко выделить и причину того «радикального культурного разрыва», о котором пишет Каплун. Речь идет о восстании декабристов, спровоцировавшем разрыв отношений между царем и дворянством и, как следствие, повлекшем за собой упадок и деградацию первого сословия Российской империи. Будучи отдалено от трона, «опорой» которого оно привыкло себя чувствовать, дворянство потеряло смысл своего существования. В то же время и монархия, утратив свою главную опору, вынужденно заменила ее на другую — бюрократическую, заложив тем самым основы для построения будущего полицейского государства. Отмечу и еще одну деталь, достаточно очевидную, но, как представляется, иногда нуждающуюся в проговаривании, — российское Просвещение имело чисто дворянскую природу и его культура поэтому во многом была чужда разночинцам, потеснившим дворян в обществе начиная с правления Николая I.

Наконец, последнее, на чем необходимо остановиться при разборе текста В.Л. Каплуна, — это вопрос о нравственной природе общества в восприятии российских просветителей. И А.Н. Радищев, и Н.М. Карамзин, и М.Н. Муравьев сходятся в том, что одной из важнейших опор общества (или гражданского общества, что для них синонимично) являются нравы. Они обладают самостоятельной ценностью в обществе, их необходимо учитывать при составлении законов и определении вектора дальнейшего развития (с. 428). Это положение в полной мере объясняет то, почему в текстах, названных выше, авторов понятие «общество» противопоставляется не «государству» (об этом — чуть ниже), а «естественному состоянию» человека, в котором тот живет, руководствуясь лишь инстинктами. В то же время в общественной жизни человек направляется нравами и основанными на них законами, что обуславливает и двойственность цели его существования в обществе — это одновременно и защита прав личности, и достижение общего блага (с. 471). Из этого следует и еще одно положение, объединяющее всех отобранных В.Л. Каплуну авторов — «возникновение развитого „общества“ невозможно без развития просвещения... Отсюда характерное для рассматриваемого времени новое понимание публики — как совокупности образованных граждан, связанных в единое сообщество посредством распространения „письмен“ через циркуляцию печатного слова» (с. 479).

Подобное понимание концептов «публики» и «общества», как представляется, проясняет очень многое в изучении отечественной интеллектуальной истории XVIII — первой трети XIX века. В частности, проясняется появившаяся еще в правление Петра I традиция перевода латинского словосочетания *res publica* русским термином «общество» при частом отождествлении последнего с «государством». На

этом фоне становится более понятным и тот разрыв, который отделяет нас от рассматриваемого периода, и, как следствие, необходимость пересмотра нашего нынешнего общественно-политического лексикона. В самом деле, если для Радищева или Карамзина цicerоновское «Государство есть достояние народа»³ было вполне понятно и не вызывало логических противоречий, то сейчас эту фразу необходимо постоянно и подробно комментировать. Произошедший разрыв, как уже говорилось, привел к изменению в понимании слов «общество» (народ) и «государство», которые стали мыслиться не как частичные синонимы, а как две разные, зачастую противостоящие друг другу сущности. Изменился язык общественной коммуникации, а это, в свою очередь, ставит новые цели и задачи не только перед исследователями социальных и лингвистических процессов, но и перед всеми нами как обществом в целом.

Во многом именно об этом говорит и О.В. Хархордин в своем заключении к рассматриваемой книге. Я позволю себе оставить без рассмотрения первую и самую большую часть этого раздела, поскольку он, по сути, представляет собой прекрасную рецензию научного редактора на работу, созданную коллективом под его началом. Олег Хархордин разбирает основные выводы исследований К.С. Федоровой, Б.С. Гладарева и В.Л. Каплуна, серьезнейшим образом дополняет и комментирует раздел Д.Я. Калугина. Однако наиболее интересными представляются последние несколько страниц заключения, содержащие собственные авторские выводы Хархордина.

Он отмечает три принципиально важные, как представляется, особенности современного общества, сложившегося начиная с эпохи Николая I. Во-первых, его устойчивую критическую позицию, которая «стала судьбой образованного и читающе-пишущего слоя из-за отсутствия доступа к власти. Критика эта легка, а в отсутствие доступа к власти нет угрозы, что придется реализовывать предлагаемые тобой альтернативы». С этим сочетаются и две другие особенности, а именно «отсутствие публичного регистра или субкода языка, который позволял бы заинтересованной в действии группе... приходиться к неэмоциональному суждению о публичной позиции группы» и отсутствие доступа как к власти, так и к более широкой публике (с. 523). Соответственно, и задачи, стоящие перед современным российским обществом, в известной степени сводятся к формированию публичного языка и к построению инфраструктуры публичного действия и участия во власти.

Обсуждение этих проблем и рецептов их решения может стать предметом отдельной статьи, если не книги, и потому я позволю себе не вдаваться в него здесь и сейчас. Завершая же разговор о монографии «От общественного к публичному», которой и посвящен весь этот текст, хочется сказать еще несколько слов. Во-первых, у коллектива центра «Res publica» получилось сделать серьезный и потрясающе интересный текст. Даже если его воспринимать как чисто академическое исследование, о нем нужно говорить как о новом слове в нашей теоретической и исторической социологии. Если же смотреть на получившуюся книгу более широко, можно сказать, что вниманию читателей представлен комплекс живых вопросов, требующих дальнейшего проговаривания, обдумывания и обсуждения. Вопросов, над которыми необходимо размышлять, чтобы в перспективе общество из «реальности, данной нам в

---

3. Cic. De re publ.I.XXV.39: Res publica est res populi...

ощущениях», возможно, снова стало *нашим*, состоящим из *нас*, выражающим *наши* интересы и, наконец, управляемым *нашим* государством.

Литература

Дружба. Очерки по теории практик. (2009) / под ред. О.В. Хархордина. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб.

Манен Б. (2008). Принципы представительного правления. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб.

Понятие государства в четырех языках. (2002) / под ред. О.В. Хархордина. Санкт-Петербург; Москва: Изд-во ЕУСПб; Летний сад.

Руссо Ж.-Ж. (1998). Об общественном договоре. Трактаты. Москва: Кучково Поле.

Скиннер К. (2006). Свобода до либерализма. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб.

Что такое республиканская традиция. (2009) / под ред. О.В. Хархордина. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб.

Res publica: история понятия. (2009) / под ред. О.В. Хархордина. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб.